

От автора мирового бестселлера «Дневник книготорговца»

ШОН БАЙТЕМ

СЕМЬ ТИПОВ
ЛЮДЕЙ,
КОТОРЫХ
МОЖНО
ВСТРЕТИТЬ
В
КНИЖНОМ
МАГАЗИНЕ

Шон Байтелл

Семь типов людей, которых можно встретить в книжном магазине

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64465282

Семь типов людей, которых можно встретить в книжном магазине:

Азбука-Антикурс; Москва; 2021

ISBN 978-5-389-19550-9

Аннотация

За двадцать лет, проведенных за прилавком книжного магазина в шотландском Уигтауне, Шону Байтеллу довелось не только погрузиться в мир букинистических изданий и стать активным участником культурной жизни города и страны в целом, но и повстречаться с самыми разными покупателями – от благодушных до несносных. Впечатлений хватило теперь уже на третью книгу – вслед за международными бестселлерами «Дневник книготорговца» и «Записки книготорговца» появились эти изящные зарисовки. Шутливо примеряя на себя роль великого Линнея, Байтелл классифицирует внешний вид и «повадки» завсегдатаев своей знаменитой книжной лавки, естественно, не забывая направить прожектор иронии и на себя самого. В песочных часах его заметок поблескивают

золотые крупинки жизненного кредо. Наш наблюдательный книготорговец, и сам ценитель хороших книг, умеет почерпнуть вдохновение в ежедневной рутине!

«Речь пойдет не о нас – горстке обделенных судьбой несчастных, что взялись продавать книги с целью заработать жалкие гроши на пропитание. Речь пойдет о наших покупателях... Я скучаю по каждому из них – от самых обаятельных и неординарных до поистине грубых и неотесанных». (*Шон Байтелл*)

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
1. Peritus. Эксперт	10
Вид: Doctus. Специалист	13
Вид: Homo odiosus. Зануда	16
Вид: Homo utilis. Человек полезный	19
Вид: Homo qui libros antiquos colligit. Коллекционер антикварных изданий	21
Вид: Mechanicus in domo sua. Механик- самоучка	27
2. Familia juvenis. Молодая семья	30
Вид: Parentes lassī. Измотанные родители	33
Вид: Puer relictus. Брошенный ребенок	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Шон Байтелл
Семь типов людей,
которых можно встретить
в книжном магазине

Shaun Bythell

Seven Kinds of People You Find in Bookshops

© Shaun Bythell, 2020

© Никитина И.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

КоЛибри®

* * *

Посвящается вам, Лена и Фрея

Предисловие

В предисловии к своей книге «Букинистика: взгляд изнутри» (Antiquarian Books: An Insider's Account. David & Charles, 1978) Рой Харли Льюис пишет, что «с финансовой точки зрения букинистические издания играют в мировой торговле весьма незначительную роль». И это еще мягко сказано. Стоит лишь заменить слово «букинистические» на «поддержанные», как их финансовое значение в масштабах мировой экономики из «весьма незначительного» превратится в «смехотворно пустяковое». Именно в этот мир я и шагнул в 2001 году, став владельцем букинистического магазина – всего через четыре года после того, как Amazon начал продавать уцененные книги через интернет. Сейчас я могу лишь мечтать о том, чтобы мой бизнес оставил хотя бы смехотворно пустяковый след в мировой экономике. В это непростое время, лишняя раз демонстрируя полное отсутствие предпринимательской жилки, я взялся писать эту книгу, предприняв дерзкую попытку разделить моих посетителей на несколько категорий, что, несомненно, оскорбит людей, от которых напрямую зависит мой доход, и уж точно поставит крест на моем финансовом благополучии.

Там же в предисловии Рой Харли Льюис отмечает:

...можно задаться вопросом о том, чем книготорговец интереснее, скажем, продавца из

обувного магазина. Но стоит учесть, что немного найдется профессий, которые приносили бы такое удовлетворение и притом требовали бы стольких усилий, как труд торговца букинистическими изданиями, которому приходится брать на себя роль то детектива, то академика, то агента, то психолога, то экстрасенса, что сильно отличает его от обыкновенного барахольщика.

Может, он и прав. А может, те из нас, кто на редкость неумело справляется со стрессовыми ситуациями в повседневной жизни, тяготеют к этой профессии, стремясь таким образом избежать роли «обыкновенного барахольщика». Речь, однако, пойдет не о нас – горстке обделенных судьбой несчастных, что взялись продавать книги с целью заработать жалкие гроши на пропитание. Речь пойдет о наших покупателях – тех гнусных созданиях, с которыми мы вынуждены общаться изо дня в день и кого сейчас, когда я пишу этот текст, запершись на карантин в связи с эпидемией коронавируса, мне не хватает, словно добрых друзей, с которыми мы очень давно не виделись. Я скучаю по каждому из них – от самых обаятельных и неординарных до поистине грубых и неотесанных. Помимо того, что в их отсутствие я в буквальном смысле слова не зарабатываю ни гроша, к своему огромному удивлению, я обнаружил, что мне не хватает человеческого общения.

Вчера в магазин позвонил какой-то мужчина и спросил, можно ли приобрести у нас экземпляр моей второй кни-

ги, «Записки книготорговца»¹. Общая стоимость покупки, включая почтовую доставку, составила 18 фунтов. Пока я записывал данные его кредитной карты, он сказал: «Накиньте, пожалуйста, еще 10 фунтов». Когда я поинтересовался зачем, он ответил: «Я знаю, как трудно сейчас приходится предпринимателям вроде вас, и мне бы хотелось, чтобы, когда все это закончится, вы продолжили работать, как и прежде, и я снова смог бы навестить к вам в магазин».

Не он один проявил такую доброту. Недавно я получил банковский чек от совершенно незнакомой женщины, которая рассказала, что прочитала статью Маргарет Этвуд в журнале *Time*, в которой писательница призывает поддерживать владельцев мелкого бизнеса в это непростое время. Единственное, о чем та женщина меня попросила, так это обналичить чек. Доброта незнакомцев пуще меткого удара в солнечное сплетение способна заставить человека упасть на колени и разрыдаться. Вот почему я скучаю по своим покупателям. Несмотря на мою неприязнь ко многим из них, должен признать, что за их неприглядной внешностью скрывается доброе и отзывчивое сердце.

Под словами «книжный магазин», которые присутствуют в названии этой книги, на самом деле подразумевается лишь мой собственный магазин. Я не желаю бросать тень на чужую репутацию, претендуя на право говорить за других, ведь

---

¹ Русское издание: *Байтелл Ш. Записки книготорговца*. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.

я всего-навсего изливаю собственную тоску. Без сомнения, найдутся книготорговцы более широкой души, которые могли бы нарисовать куда более располагающие портреты своих покупателей, чем те, что последуют за этим введением, но описания эти родились на основе моего собственного опыта, накопленного за двадцать лет страдальческого труда на этом поприще, и у меня нет ни одного знакомого книготорговца, отличающегося широтой души – по крайней мере, в отношении покупателей.

Я должен извиниться за то, что потворствую укоренению стереотипов, ведь в действительности люди устроены гораздо сложнее и их характеры отличаются бесконечным множеством едва уловимых свойств и качеств. Обобщать – несправедливо, но такова и сама жизнь. Смиритесь.

Чтобы облегчить себе задачу, ну и, разумеется, сделать мой опус еще более оскорбительным, я попытался выстроить систему подобно классификации живых организмов Карла Линнея, хотя теперь, поставив точку, я понял, что из этой затеи ничего не вышло.

1. Peritus. Эксперт

Если ваши познания в латыни столь же скудны, как и мои, тогда вам простительно предположить (как это сделал я), что словом *peritus* обозначаются неприглядные области нижней части тела. Так вот, это не так. Оно означает всего лишь «эксперт».

Этот тип покупателя в общем и целом представляет собой самопровозглашенного эксперта, лишенного возможности регулярно изливать свою мудрость на публику. В отличие от большинства ученых мужей и признанных специалистов в той или иной области, которые, как правило, высказывают обоснованные и подкрепленные фактами мнения и имеют в своем распоряжении целые группы студентов или читателей, готовых их выслушать, большинство самоучек, которым посвящена эта глава, лишены благодарных слушателей. Из любого правила есть исключения, а значит, и среди этих людей найдутся добрейшие покупатели, которых я имел счастье встретить. Остальные же утомляют до безобразия.

Больше всего на свете эксперт любит использовать длинные слова там, где коротких и простых было бы вполне достаточно. Коллекционирование марок становится филателией, наблюдение за птицами – орнитологией, а нездоровая одержимость насекомыми – энтомологией. Может показаться, что он пообедал в ресторане и на первое заказал Уил-

ла Селфа², после, в качестве основного блюда, отведал Джонатана Мидса³, а на десерт полакомился Стивеном Фраем⁴. Разница лишь в том, что и Селф, и Мидс, и Фрай проглотили, переварили и впитали содержимое Оксфордского толкового словаря и точно знают, какое именно слово и в какой ситуации следует использовать, чтобы наделить свою прозу ясностью изложения, в то время как эксперт из кожи вон лезет, лишь бы запутать своего невольного слушателя и добиться одного – его полного умоисступления. Длинные слова, известные представителям этого типа, можно пересчитать по пальцам одной руки, но они самозабвенно бросаются этими словами с одной-единственной целью – создать не слишком убедительную видимость интеллектуального превосходства. Но, как сказала бы моя подруга Клода, которая работает фармацевтом, гиппопотомонстросескиппедалианизм – то есть одержимость длинными словами – не оправдание, чтобы выставить собеседника дураком, если он не знает, что химическое соединение под названием поливинилпирролидон используется в качестве связующего вещества в большинстве продаваемых по рецепту таблеток.

Широко известен спор Уильяма Фолкнера и Эрнеста Хе-

---

² Селф Уилл – британский журналист и писатель-сатирик. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

³ Мидс Джонатан – британский писатель, журналист и кинематографист.

⁴ Фрай Стивен – британский актер, писатель и драматург, широко известный своими ролями в комедийных телесериалах, таких как «Дживс и Вустер», а также в фильме «Уайльд».

мингуэя о сложных словах в языке. Однажды Фолкнер язвительно заметил, что «Хемингуэй не написал ни слова, за которым читатель полез бы в словарь». На что Хемингуэй ответил: «Бедняга Фолкнер. Неужели он и впрямь считает, что большие чувства требуют больших слов? Я знаю все заумные словечки не хуже его, но их одних недостаточно, и вообще я предпочитаю те слова, что постарше и попроще». Мой школьный учитель английского языка гораздо с большей охотой встал бы на сторону Фолкнера и не согласился бы с Хемингуэем в том, что любое существительное во множественном числе можно заменить на *ones* («одни»), ведь слово, обозначающее единицу, не может обозначать множество. С такой же беспощадной педантичностью учитель воспринимал и слово «альтернатива», которое, как он утверждал, происходит от латинского слова *alter*, означающего «один из двух». Чрезвычайное удовольствие во время занятий мне доставляли попытки высказать предположение о том, что альтернатив может быть две. А то и больше.

Вид: Doctus. Специалист

Этот человек заходит в магазин с одной-единственной целью: прочитать вам лекцию из сферы своих профессиональных интересов (что бы в нее ни входило), при этом он испытывает ни с чем не сравнимое удовольствие, видя, что вы ровным счетом ничего не смыслите в этом вопросе – а так оно, вероятнее всего, и есть. Большинство книготорговцев, специализирующихся на конкретной области, с годами накапливают немалые знания о содержании имеющихся у них в продаже изданий, однако, если вы держите книжный магазин общего профиля вроде моего, знать все попросту невозможно. Но попробуйте объяснить это человеку, который всю свою сознательную жизнь провел за изучением особенностей размножения какой-нибудь сибирской древесной улитки! Он усмехнется и смерит вас презрительным взглядом, в котором будут сквозить нескрываемое удовольствие и пренебрежение, когда он услышит ваше признание в том, что вы никогда не слышали о фундаментальном труде Михала Хорсака под названием «Скопления моллюсков в палеоэкологических реконструкциях: исследование их прогностического потенциала методом использования моделей передаточных функций»⁵. Такие покупатели упиваются вашим невежеством

---

⁵ *Horsák Michal. Mollusc Assemblages in Palaeoecological Reconstructions: An Investigation of Their Predictive Power Using Transfer Function Models. Cambridge*

и при этом совершенно не способны понять, почему вы, да и вообще кто-либо, раз уж на то пошло, не испытываете ни малейшего желания двадцать лет провести в палатке в лесу в пятидесяти километрах от Омска, разглядывая под микроскопом экскременты улиток и записывая свои наблюдения в тетрадь и не имея иного чтива, кроме заумных научных трудов по этой теме.

Некоторые представители этого вида, отличающиеся несколько большей приспособленностью к жизни в обществе, осознают вероятность того, что не каждый может разделить их узкоспециализированные интересы. Для них альтернативным источником удовольствия служит уверенность в том, что одержимость столь узкоспециализированной темой выделяет их среди других людей, а также ошибочное предположение, что благодаря ей они становятся более интересными. Как-то к нам зачастил покупатель, который неизменно ошарашивал всех своим внезапным появлением у прилавка (никто даже не успевал заметить, как он заходил в магазин) и радостно возвещал о своем присутствии коронным приветствием: «Здравствуйте! Вот такой я странноватый. Люблю читать книги о дифференциальном исчислении». Мучительно очевидная истина заключалась в том, что в этом человеке не было ничего странноватого и дифференциальное исчисление его ни капли не интересовало, однако он притворялся, чтобы казаться личностью более многогранной. Не-а. Мож-

но не сомневаться: если человек представляется «странноватым», он абсолютно нормален.

Вид: Homo odiosus. Зануда

Представители этого вида зачастую считают себя крайне эрудированными, и ничто не мешает им поделиться с вами своими мыслями по любой теме, возникшей в разговоре или упомянутой ненароком, коль скоро вам уже известны их намерения. Лучшая стратегия – молчать в их присутствии, поскольку даже малейший пустяк может повлечь за собой многословную тираду на самые неожиданные предметы, хотя нередко случается так, что покупатель выдает свою принадлежность к данной таксономической категории лишь тогда, когда уже слишком поздно. Представители этой породы людей не прочь подслушать разговор других посетителей и вставить свое, порой донельзя оскорбительное слово: мне не раз приходилось извиняться перед ними в чем не повинными покупателями, которые мирно обсуждали между собой тот или иной вопрос, как вдруг какой-то незнакомец, оказавшийся в пределах слышимости, обрушивал на них непрошеную – а то и вовсе расистскую – тираду.

Нам как-то пришлось иметь дело с выдающимся представителем этого вида, и приведенный ниже рассказ великолепно демонстрирует опасности, которые можно на себя навлечь, не зная, как вести себя в присутствии подобных.

Как-то раз, теплым летним субботним утром, в 11 часов мой друг Робин пришел в магазин, чтобы помочь мне, и за-

нял место за прилавком напротив входа. Я тем временем сло-
нялся туда-сюда, притворяясь, что занят делом. Спустя пару
часов этой суровой ежедневной борьбы за выживание в ми-
ре букинистической торговли к прилавку с тремя томами в
руках подошел легендарный местный зануда по имени Аль-
фред⁶. С видом безмятежного самодовольства водрузив кни-
ги на деревянный прилавок и остановив взгляд на Робине, он
зловещим тоном возвестил, что это «важные издания, ведь
они определили существующий порядок вещей».

Познав на своем горьком опыте двух последних десятков
лет все прелести общения с Альфредом, я знал, что един-
ственной безопасной реакцией на любую поданную им ре-
плику будет молчание. К сожалению, я не успел заранее про-
инструктировать Робина на этот случай, а значит, единствен-
ное, что мне оставалось, – это неистово жестикулировать за
спиной у Альфреда, всем своим видом показывая, что зате-
вать разговор с ним не следует. По счастливой случайности
наш покупатель спросил, нельзя ли ему оставить книги на
прилавке, пока он ходит в банкомат за наличными.

Едва Альфред отошел подальше, я сразу же предупредил
Робина, чтобы он не задавал никаких вопросов, которых наш
беспокойный посетитель явно от нас ожидает, дабы не стать

---

⁶ По какой-то причине он вбил себе в голову, что является потомком короля
Альфреда Великого, и на мою долю выпало нешуточное горе – на протяжении
многих лет мне приходилось выслушивать его крайне неправдоподобные и, чест-
но говоря, весьма невразумительные изыскания на тему собственной генеалогии.
– *Примеч. автора.*

жертвой одной из его нескончаемых лекций по теме, в которой он считает себя авторитетом. То есть по любой теме.

– Когда он вернется, чтобы расплатиться, не говори ничего, что может быть истолковано как проявление интереса к тому, что он хочет сказать, – напутствовал я друга, прежде чем удалиться наверх, чтобы заварить себе чашку чаю и наконец-то прекратить свои не слишком убедительные попытки симулировать полезную деятельность.

Двадцать минут спустя потрепанный Робин появился на кухне. Он поведал, что Альфред вернулся вскоре после того, как я ушел, но наличные ему снять так и не удалось. Избегая каких-либо реплик, которые могли быть приняты Альфредом за интерес к нему или к выбранным им книгам, Робин предложил покупателю расплатиться кредитной картой.

– И тут началось! На протяжении следующих пятнадцати минут мне пришлось выслушивать параноидальный монолог об информационной безопасности. Честное слово, я думал, это вообще никогда не кончится.

До сих пор мне так и не удалось найти темы, о которой Альфред не имел бы собственного неприятного мнения, или иностранца, к которому он не питал бы иррационального страха. Альфреду с его махровой ксенофобией единственно верным решением видится вмешательство грубой силы – органов власти, которым надлежит карать депортацией или тюремным заключением любого, кто повинен в одном-единственном преступлении: несогласии с его взглядами.

Вид: Homo utilis. Человек полезный

Не все эксперты так уж надоедливы – ну разве что в глазах Майкла Гоува⁷. Иногда они могут быть чрезвычайно полезны. В январе мне позвонила женщина из Дамфриса: она наводила порядок в домашней библиотеке и решила продать часть книг. В тот холодный, пасмурный день, приехав в ее небольшой дом неподалеку от футбольного поля, я увидел повсюду набитые книгами коробки. Коллекция оказалась весьма интересной и разнообразной: муж клиентки собирал книги о крикете, и их накопилась не одна сотня, а сама она коллекционировала сочинения Беатрис Поттер, книги из литературной серии Observer's Books и те, что выпускает издательский дом Ladybird, – все это было отличным пополнением моего ассортимента.

Просматривая товар, я взял в руки неказистую книжонку в мягкой обложке – экземпляр «Опасной тропы» Патриции Вентворт, и тут хозяйка заметила:

– О, это интересная книга – чрезвычайно редкая и довольно ценная.

Судя по обложке, где была изображена коробочка шоколад-

---

⁷ Гоув Майкл Эндрю – британский политик, член Консервативной партии, сторонник «Брекзита», известный своим высказыванием о том, что «людям в этой стране уже надоели эксперты», которое он произнес в ходе обсуждения вопроса о выходе Великобритании из состава Евросоюза.

ных конфет с лежащим поверх нее шприцем, я бы никак не подумал, что это редкое или ценное издание, но хозяйка пояснила:

– Владельцы компании Thorntons, той, что производит шоколад, стали возражать против такой обложки, опасаясь, что ассоциации между их конфетами и шприцем с ядом навредят репутации бренда, поэтому первый тираж книг был изъят из продажи и отправлен в макулатуру, а дизайн обложки изменили.

Подобная информация бесценна для книготорговца, которому время от времени бывает необходимо убедить покупателя, что он знает, о чем говорит.

У меня был до недавнего времени один постоянный клиент по имени Хэмиш. Он ушел в мир иной за пару месяцев до того, как я закончил писать эту книгу. В прошлом актер, а потом пенсионер, Хэмиш питал чрезвычайный интерес к военной истории. Беседовать с ним было одно удовольствие, и у него в запасе всегда имелась какая-нибудь любопытная история. В своей теме – Хэмиш увлекался изучением Второй мировой войны – он разбирался не хуже любого академика, но никогда не утомлял разговорами об этом и не занимался пустыми разглагольствованиями. В ходе наших кратких бесед он мог ненароком обронить несколько увлекательных фактов-жемчужин, и мне всегда хотелось узнать больше. Мне будет очень его не хватать.

Вид: Homo qui libros antiquos colligit. Коллекционер антикварных изданий

Коллекционеры антикварных изданий – совершенно иная порода. Как правило, их больше заботит книга как таковая, нежели ее содержание, хотя из любого правила бывают исключения. Многие из тех, кто питает интерес к старинным книгам, пользуются ими в академических целях или же ради изучения семейной родословной. Любой антиквар непременно обладает энциклопедическими знаниями о том, как установить подлинность того или иного издания, относящегося к сфере его интересов. К примеру, охотники за первыми сборниками стихов Роберта Бёрнса, к числу которых относится и раритетное издание «Стихотворений, написанных преимущественно на шотландском диалекте», обожают прочесывать полки книжных магазинов в поисках этой книжицы, опубликованной в 1786 году Джоном Уилсоном, с пометкой «Типография Килмарнока». Насколько известно коллекционерам, из 612 подписных экземпляров уцелело лишь 84, и их легко распознать, поскольку Бёрнс посвятил книгу Гэвину Гамильтону. Кроме того, любому из них прекрасно известно, что во второй тираж второго издания (это было эдинбургское издание 1787 года, посвященное «Благородным господам и джентльменам клуба Каледонских охотников», – Бёрнс, будучи сборщиком налогов, знал, на кого

следует произвести впечатление) вошло еще семнадцать стихотворений, а в «Оде шотландскому пудингу “Хаггис”» была допущена опечатка: шотландское слово *skinking* – «водянистый» – превратилось в *stinking*, что значит «вонючий». Эта опечатка перекочевала в лондонское издание, опубликованное в том же, 1787 году, а экземпляры этих тиражей прозвали «Вонючими изданиями». Может показаться, что подобные «тайные знания» говорят о чрезмерной одержимости вопросом – и так оно и есть, – но ведь это характерно для многих, кто питает особый интерес к определенной теме.

Еще одна характерная повадка коллекционеров антиквариата, восходящих к типу *Peritus*, – причитать о дороговизне. Скажем, речь идет о подписанном, вышедшем ограниченным тиражом двухтомнике «Кольцо Нибелунга» с иллюстрациями Артура Рэкема, которое предлагается за 600 фунтов, – можно даже не сомневаться, что прельстившийся им покупатель неодобрительно покачает головой и скажет вам, что видел его на распродаже по гораздо более низкой цене. Если это и впрямь так, тогда почему же он с такой алчностью взирает на имеющееся у вас в продаже издание? Сколько бы покупатель ни цокал языком и ни твердил, что видел такой же экземпляр за меньшую цену, вероятность, что ему удастся выбить скидку, крайне мала. Продавцу прекрасно известно, что он мог переплатить за то или иное издание или что цены на определенные книги могли упасть, но большинство из нас вряд ли согласятся пойти на уступки и понести убыт-

ки, полагаясь на слова незнакомца, который заявляет, будто в другом магазине такая же книга продается дешевле.

Есть у меня один постоянный клиент, интересующийся антикварными изданиями, и пусть даже общая стоимость его покупки, как правило, составляет несколько сотен фунтов – когда он уходит, у меня неизменно возникает ощущение, будто меня только что обокрали. Он пенсионер, очевидно весьма зажиточный, и питает интерес к разным редким книгам. Накануне его недавнего визита я приобрел коллекцию книг у чрезвычайно веселого пожилого мужчины, чье семейство, судя по всему, обеими ногами уверенно стояло на одной из верхних ступеней социальной лестницы. Когда-то эти книги преспокойно стояли на полках роскошного особняка. Все они были помечены особой библиотечной печатью наподобие тех, что всегда надеешься увидеть, имея дело с коллекцией антикварных изданий, а страницы, впитавшие запах дыма от дров из разожженного слугой камина, украшал фамильный герб. Правда, для семейства, по-видимому, настали тяжелые времена, и с домом пришлось расстаться. Подозреваю, что эти книги, сложенные в магазинные лотки из-под хлеба, были последним, что осталось от их библиотеки. Не помню точно, сколько я за них заплатил, но, поскольку у меня не было времени, чтобы побольше разузнать о некоторых изданиях и должным образом их оценить, я на всякий случай записал телефон хозяина, чтобы возместить ему стоимость, окажись вдруг, что я недооценил его коллекцию.

В нее, если мне не изменяет память, входил и двухтомник «Смерть Артура» Томаса Мэлори с иллюстрациями и подписью «Обри Бердслей». Тот самый антиквар зашел в магазин и, порывшись в обновленном ассортименте, в конце концов наткнулся на издание с иллюстрациями Бердслея. Он спросил, сколько я за него прошу, и, не имея возможности изучить этот вопрос, я ответил – 800 фунтов, после чего, к моему удивлению, он с радостью выложил эту сумму. Несколько месяцев спустя мы с ним случайно встретились на книжном фестивале в Карлайле, и он с гордостью сообщил мне, что продал те книги на одном лондонском аукционе за 19 000 фунтов.

Как книготорговец я считаю своим долгом быть честным по отношению к тем, у кого я покупаю книги. Я чувствовал себя так, будто меня облапошили – вернее даже не меня, а того джентльмена, у которого я купил тот двухтомник. Если бы я выручил за товар девятнадцать тысяч, я бы выписал бывшему владельцу чек на большую часть этой суммы, чтобы моя совесть оставалась чиста. Что ж, *caveat emptor* и *caveat vendor*⁸, все мы не прочь получить хорошую скидку, но дело не только в деньгах. Вряд ли кому-то будет приятно узнать, что его ободрали как липку. Тот антиквар прекрасно знал, что у меня не было возможности узнать о двухтомнике побольше. Если бы он предложил разделить 19 000 фунтов

---

⁸ *Caveat emptor* – пусть покупатель будет осмотрителен; *caveat vendor* – пусть продавец будет осмотрителен (лат.).

пополам с тем человеком, у которого я купил то издание, не беря меня в долю, я бы с огромной радостью согласился.

Если не считать подобных случаев, похоже, что антиквар, как это ни прискорбно, – исчезающий вид. То же самое можно сказать о большинстве любителей коллекционировать книги. Их число сокращается с каждым годом. Бумажная книга давно утратила исключительное право на предоставление информации, да и в качестве источника знаний она стала гораздо менее востребованной, чем когда-то. Друг моих родителей Брайан собирает книги Джеффри Фарнола – автора настолько непопулярного, что я вот уже несколько лет как перестал покупать его произведения. Об этом я не раз говорил и самому Брайану, но тем не менее – стоит ему приехать в Шотландию, как он непременно заглядывает ко мне в магазин, чтобы поинтересоваться, нет ли у нас в продаже свежих изданий Фарнола. У него всегда с собой потрепанная записная книжка с написанным от руки списком, а сам Брайан всегда пышет оптимизмом и энтузиазмом, чего нельзя сказать обо мне. У нас в продаже никогда не бывает того, что он ищет, – в основном потому, что большую часть имевшихся в наличии изданий Фарнола я сдал в макулатуру. С болью в сердце представляю себе тот день, когда Брайан перестанет к нам приходить. Сомневаюсь, что когда-нибудь, пока я еще буду открывать двери своего магазина, найдется хоть один покупатель, который поинтересуется, нет ли у меня книг Джеффри Фарнола. Если только его произведения

не обретут вторую жизнь, как случилось с романами Уинстона Грэма из серии «Полдарк» благодаря экранизации Би-би-си (а сам сериал стал популярным благодаря актеру Эйдану Тёрнеру, который снимает рубашку по несколько раз за серию).

Вид: Mechanicus in domo sua. Механик-самоучка

Иметь дело с такими покупателями – одно удовольствие. Они обычно ищут что-нибудь вроде руководства по починке «лендровера» от издательства Haynes, никогда не расстраиваются, если оказывается, что такого нет в наличии, и остаются чрезвычайно довольны, если находят то, что искали. Они не читают ничего, кроме книг о машинах, но так ли это важно? Они читают, что хотят, как и все остальные, и не имеют ровным счетом никаких притязаний в области литературы. Я их люблю и уважаю. Их увлечение дарит им искреннюю радость, и это достойно высочайшего одобрения. Они поглощают свою книжную добычу с бóльшим рвением, чем любой оксфордский профессор, специализирующийся на ранних рукописях Чосера и отыскивавший инкунабулу, напечатанную на одном из первых станков Уильяма Кекстона. И они этого заслуживают. Им нужна информация: будь то диаметр свечей зажигания для газонокосилки «саффолк панч» 1947 года выпуска или технические характеристики коробки передач для «форда кортины» 1976 года – это значения не имеет. Должно быть, именно для таких, как они, был изобретен подвижной шрифт: эти люди используют текст в практических целях. Они не принадлежат к числу тех, кто делает вид, будто печатное слово существует лишь

для того, чтобы распространять проповедуемую лично ими разновидность религиозного фанатизма или подкреплять их веру в какие-нибудь сомнительные практики вроде лозоходства или толкования сновидений или чтобы убеждать самих себя, будто их домишко в городе Слау построен на пересечении шести лей-линий Земли и потому имеет право претендовать на статус памятника национального значения, когда на самом деле к нему давно следовало бы направить армию бульдозеров.

Заходя в магазин, механик-самоучка всегда немного нервничает, одет он обычно в испачканный машинным маслом рабочий комбинезон, а услышав, что у вас в продаже есть старые руководства издательства Haynes, он прямо-таки светится от радости. Даже если в наличии нет того, что он ищет, ему всегда удастся отыскать что-нибудь об автомобиле, над которым колдует один из его друзей. Когда я жил в Бристолe, у меня был друг, который скупал старые машины и ремонтировал их. Помню, он называл руководства Haynes «Книгами лжи», потому что в их описаниях вечно попадался какой-нибудь проводок или бак для тормозной жидкости, который на деле совсем не подходил к тому автомобилю, который он в тот момент ремонтировал.

В целом, если говорить о типе *Peritus*, или Эксперт, по-настоящему хочется вышвырнуть из магазина только представителей первых двух видов. Первые, «доки», как прави-

ло, приходят лишь для того, чтобы похвастаться. Их жене или мужу за долгие годы успевают так катастрофически наскучить их компания, что он или она умудряется пропускать мимо ушей все, что говорит супруг, а книжный магазин становится идеальным местом, где тот может читать свои лекции. Среди представителей второго вида, то есть зануд, популярны политические темы. Обычно они совершенно не отдают себе отчет в том, что их жертва может не разделять их взгляды, какими бы радикальными они ни были. Климатические изменения (как правило, отрицаются), однополые браки (как правило, порицаются) и отношения с Европой (об этом давайте вообще не будем) – вот расхожие темы для разговора, и чем холоднее равнодушие, с которым вы выслушиваете их мнение, тем громче они пытаются его высказать. Третий и пятый виды (люди полезные и механики) попадают в неумолимо редющую категорию людей, которых хотелось бы пригласить на ужин, в то время как к четвертому виду (коллекционеры) относятся покупатели, которые сами задолжали вам столько, что хватило бы не только на несколько ужинов, но и на дорогую бутылку вина – ни того ни другого вам от них никогда не видать.

2. Familia juvenis. Молодая семья

Моим первым учителем латыни был священнослужитель национальной пресвитерианской церкви Шотландии, сосланный в отдаленный провинциальный приход в Галлоуэе (наверняка в результате какого-нибудь скандала). Казалось, он не вынимал изо рта сигареты во время наших бесконечных занятий. Парты, за которыми мы сидели, были сделаны еще в 1930-х годах и представляли собой единую конструкцию: к чугунной раме, служившей основанием, крепилось нечто вроде ящика, на поверхности которого можно было писать, а внутрь убирать учебники, а также складное деревянное сиденье, которое, на мой взгляд, способны были спроектировать лишь в пыточном подразделении гильдии палачей. К сиденью были приделаны петли – для того чтобы в тот момент, когда кто-то из учителей заходил в класс, ученик мог мгновенно поднять его и перейти из неудобного сидячего положения в еще более неудобное стоячее, тем самым выказав совершенно незаслуженное почтение человеку, переступившему порог классной комнаты. В правом верхнем углу похожей на ящик столешницы имелась чернильница – наследие времен перьевого письма, надобность в которых с приходом чудесной поры шариковых ручек исчезла. Этот пережиток прошлого идеально подходил для тушения сигарет, и уже к концу первой учебной недели благодаря на-

шему преподавателю латыни каждая парта в классной комнате с чернильницей, доверху полной окурков, скорее напоминала столик в пабе 1970-х прямо перед закрытием. Было бы несправедливо оправдывать этим мои более чем скромные успехи в изучении латыни (гораздо более вероятно, что причиной всему была моя лень), но я подозреваю, что даже мне удалось бы догадаться, что *Familia juvenis* означает «молодая семья».

Этот тип, как и все остальные, подразделяется на несколько едва отличимых, но все же отличных друг от друга подгрупп, каждой из которых я бы советовал вам остерегаться. Я сам не так давно обзавелся семьей, и подчас мне приходится прикладывать немалые усилия, чтобы держаться на почтительном расстоянии от своих домочадцев, которые, похоже, ничего не имеют против. Любой, кому случалось совершить ту же ошибку и произвести на свет потомство, поймет, о чем речь. До того как стать семьянином, я очень досадовал на молодых родителей, которые приходили в мой магазин с детьми. Не так-то просто поддерживать в магазине чистоту и порядок. Никто не хочет, чтобы по полкам шарили детишки, перепачканные чем-то липким, особенно если там хранятся редкие и ценные книги. Однако теперь я все понимаю. И то, что невозможно заставить детей вести себя иначе, и то, что их родителям все же нужно разбавить толикой культуры свой мир подгузников, Свинки Пеппы и срыгивания. Я понимаю, для чего они берут с собой в книжный магазин де-

тей и оставляют их в углу – чтобы сбежать на пару минут и случайно наткнуться на какую-нибудь непрочитанную книгу Джона Бакена или на «Дневники Адама и Евы» Марка Твена в мягкой обложке: эта книга такая тоненькая и ее так легко читать, что она идеально им подходит и вполне могла быть написана специально для родителей с маленькими детьми, чье время на чтение ограничивается драгоценными секундами, выкроенными между кормлениями и сменой подгузников.

Вид: Parentes lassī.

Измотанные родители

В большинстве случаев это пара с несколькими детьми, как минимум одному из которых нет еще и года. Цель их визита (как и большинства других занятий) сводится к попытке либо утомить детей так же сильно, как дети утомляют их самих (по большей части бессмысленными играми на свежем воздухе), или же отыскать какой-нибудь способ отвлечь детей, чтобы насладиться минутой покоя. У меня есть две сестры, и, когда мы были маленькими, младше десяти лет, мой отец – невероятно творческий и изобретательный человек – часами пытался придумать способ обуздать нашу детскую энергию, которая проявлялась в беготне, лазании по амбару, где хранилось сено, криках и воплях. По замыслу отца, нам должно было быть так же весело, а весь наш пыл и энтузиазм можно направить на выработку электроэнергии для нужд фермы. В конце концов он сдался, осознав, что ему не удастся придумать ничего лучше, чем отправить нас всех в коровник, посадить в колесо вроде тех, что покупают хомячкам, и при помощи вырабатываемой энергии приводить в действие насосы на доильных аппаратах.

В дождливый день (а такие, надо признать, в Шотландии не редкость) наступает час книжного магазина. Наш отдел детской литературы хоть и не идет ни в какое сравнение с

магазином детской книги, расположенным по соседству, но тем не менее его тоже можно считать вполне достойным, и как только родители приводят сюда своих чад, им обычно тут же удастся отыскать что-нибудь, чтобы занять их на пару минут, а самим тем временем потихоньку ретироваться к кожаным креслам у камина и устроиться в них поудобнее, обмякнув и уронив голову на грудь, пока кто-нибудь из детей не нарушит воцарившееся умиротворение.

Вид: Puer relictus.

Брошенный ребенок

Нужно признать, такое случается чрезвычайно редко, но, бывает, зайдет в магазин какой-нибудь родитель (как правило, отец, в одиночку присматривающий за маленьким ребенком), оставит свое покладистое чадо в отделе детской литературы с книжкой в руках, а затем не спеша направится к входной двери, осторожно откроет ее и, крикнув сотруднику, который в этот момент окажется за стойкой: «Вы не могли бы за ним присмотреть? Я отойду на минутку!» – рванет прочь со всех ног. Как правило, «минутка» в этом случае длится от пятнадцати минут до получаса. Ребенок же, судя по всему давно привыкший к подобным инцидентам, будет терпеливо сидеть и читать, пока родитель не вернется, рассыпаясь в неискренних извинениях и неубедительных оправданиях. Таким папашей в подобных случаях обычно оказывается человек, от которого в последнюю очередь можно было бы ожидать, что он бросит собственную дочь или сына. Велика вероятность, что на нем будут вельветовые брюки, опрятный шерстяной свитер (подобранный, очевидно, не им самим) и пара ботинок, которые, судя по их превосходному качеству, означают, что у него есть достойная работа и трудится он явно не в книжной лавке.

В нашем магазине есть одна сотрудница – Джиллиан по

прозвищу Рыжая Угроза. Она подрабатывает у нас на полставки уже около года, но на ее плечах тяжелым грузом лежит опыт работы в магазине одной эдинбургской сети, где она прошла то, что принято называть «обучением». На самом деле это некая разновидность опасного промывания мозгов, в ходе которого жертву приучают верить всевозможной чепухе, в том числе возмутительной мантре «покупатель всегда прав». Она вежлива, услужлива и проявляет невыносимое усердие в работе, а этим качествам попросту не место в магазине подержанной книги. И все же есть в ней одна подкупающая черта – она язвительна и остроумна, что, если верить фольклору, является отличительной чертой всех обладателей густой рыжей шевелюры. Когда я рассказал ей, что собираю истории для этой книги, Джиллиан вспомнила об одном инциденте, произошедшем в книжном, где она работала несколько лет тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.